

«ЧЕЛОВЕК СКУЧНЫЙ» В МИРОВОЗЗРЕНИИ А.П. ЧЕХОВА (СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В фокусе внимания статьи находится рассмотрение репрезентации концепта «Скука» дериватами, которые в его структуре занимают приядерную зону. Семантика анализируемой концептуальной области связана с концепцией человека и вербализуется преимущественно адъективными лексемами, способными одновременно выразить эмоционально-оценочное отношение и обозначить ценностные критерии в подходе к объекту характеристики. Результаты анализа позволяют выделять в содержании концепта взаимосвязанные признаки «оценочность» и «ценностность», принадлежащие его аксиологической стороне. Через семантическую противопоставленность репрезентантов выявлена группа ценностно ориентированных признаков концептуального понятия «человек скучный» в системе писателя.

Ключевые слова: концепт «Скука», приядерная зона, дериваты, семантико-когнитивный анализ, когнитивные признаки.

Одной из форм вербального бытия концепта «Скука» выступает авторский текст, в котором ментальное образование совмещает признаки общего и индивидуального и представляет как авторское мышление, так и национальное мировосприятие. Как показывают исследования литературоведов (А.Д. Семкин [13], И.Н. Сухих [17], Л.П. Якимова [21], Л. Шестов [20] и др.) и языковой материал, явление *Скуки* обладает особой значимостью для художественного сознания А.П. Чехова.

Среди различных подходов к выявлению содержания и структуры концепта, разработанных когнитивистами (Ю.С. Степанов [16], В.И. Карасик [8], С.Г. Воркачев [3], Г.Г. Слышкин [15] и др.), мы принимаем за основу исследования полевою модель концепта, представленную теорией З.Д. Поповой, И.А. Стернина [12], которая, с нашей точки зрения, позволяет дать наиболее полное описание его сложной организации.

Заявленное в названии статьи семантико-когнитивное направление в описании языковых единиц как репрезентантов концепта применяется с целью получения семантических компонентов и формулирования когнитивных признаков. Данные описания имеют место на определенном этапе анализа ядерно-периферийной структуры концепта – приядерной зоны, вербализующей содержание ментальной единицы деривационными средствами языка. Экспликантом смысла служит семантическая реализация лексем *скучища*, *скучный* и их его производных, характеризующих человека по различным критериям.

Эмотивно-оценочные смыслы в интерпретации понятия «человека скучного» связаны с отрицательной коннотацией и выполняют функцию негативной характеристики как интеллектуальных способностей человека, так и результатов его умственной деятельности, поведения и поступков. Одна из иллюстраций этой темы: «Получил от А.А. Андреевой *скучнейшее, как она сама, письмо*, просит рассказа для публичного чтения... Сестрица ее, т. е. г-жа Бальмонт, *тоже отчаянно скучная особа...*» (О.Л. Книппер, 14 февраля 1903 г., Ялта) (Здесь и далее цитаты приводятся по изданию [19]).

* © Маханова Г.Е., 2016

Маханова Галина Евгеньевна (magaev-mge@yandex.ru), кафедра русского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 241036, Российская Федерация, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

Как уже можно убедиться, оценка напрямую связана с осознанием ценности [4, с. 7], которая доступна только через оценку и является ее критерием [2, с. 203]. Оцениванию подвергается только то, что представляет ценность и значимость, отвечает запросам и потребностям личности.

Обращает на себя внимание и утверждение когнитологов, что ценностная сторона является обязательной для ментальных абстрактных образований, а для эмоциональных концептов в особенности [3; 9, с. 823]. В связи с этим анализ данного концептуального сектора в структуре деривационной области направлен на установление аксиологических смыслов, без которых содержание концепта представляется ущербным. Таким образом, в семантике эмотивной лексемы *скука* за «оценочностью» скрывается «ценностность» — существенный признак концепта.

Какие же ценностные ориентации носителя языка лежат в основе оценочных суждений о *скудном* человеке? Ответ на этот вопрос находим в письме Чехова к близкому ему по духу человеку, с которым он откровенно делится своим жизненным кредо: «Мое святое святых, — читаем в письме к А.Н. Плещееву, — это **человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь** и абсолютнейшая **свобода**, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» (А.Н. Плещееву, 4 октября 1888 г.).

Показательно, что в ценностной картине мира Чехова *Скука* становится центром стяжения выделенных приоритетов. Организованные вокруг ключевого номинанта, они образуют с ним разветвленную оппозиционную систему с причинно-следственными отношениями и выступают как его аксиологические признаки.

Благодаря взаимодействию концепта «Скука» с этими значимыми константами внутреннего мира человека («ум», «талант», «любовь», «свобода», «творчество») (*вдохновение* — «состояние творческого подъема, прилив творческих сил» [6, с. 153]) становится возможным установить общие перекрестные признаки для каждого концепта, а также высветить потенциальные смыслы анализируемого.

Оппозицию «скука — здоровье» наглядно иллюстрирует цитата из чеховской переписки: «От души желаю Вам здоровья, ибо без здоровья скучно живется» (Н.А. Лейкину, 2 июля 1898 г., Мелихово).

В ценностной языковой картине мира, по наблюдениям А.В. Головановой, концепт «Ум» по своему ценностному статусу оказывается самым сложным. «Это связано с тем, что ум является определяющим свойством человека, отличающим его от животных и в то же время отличающим людей друг от друга» [5, с. 38].

В письме к старшему брату Чехов выделяет *ум* как одну из нравственных доминант личности («Первородством не гордись, ибо главное не первородство, а ум...» (Ал.П. Чехову, 19 апреля 1904 г., Ялта)), а устами своего персонажа поет торжественный гимн уму: «...на этом свете все незначительно и неинтересно, кроме высших духовных проявлений человеческого ума. Ум проводит резкую грань между животным и человеком, намекает на божественность последнего и в некоторой степени даже заменяет ему бессмертие, которого нет. Исходя из этого, ум служит единственно возможным источником наслаждения»; «Только один ум интересен и замечателен, все же остальное мелко и низменно» (Палата № 6).

Но ум как таковой не является безусловной ценностью, поэтому антиномия *скука* — *ум* концептуализируется у Чехова неоднозначно. Устанавливаются противопоставления как позитивного, так и негативного характера в ценностных суждениях об уме: *скука* от ума и *скука* без ума. Ср.: «Это был умный, добрый, нескучный и искренний человек ...» (Страх); «В литературе тихо, всё умственное скудно, жутется по-старому...» (А.И. Южину, 6 июля 1898 г., Мелихово); «Зато мой Петр Петрович, у которого еще со студенчества осталась манера всякий разговор сводить на спор, говорил скудно, вяло и длинно, с явным желанием казаться умным и передовым человеком» (Дом с мезонином).

Скука как индикатор истинного и показного «загорается» тогда, когда неумные люди пытаются казаться умными, начинают выпячивать свой ум, имитировать высокие интеллектуальные способности, т. е. «умничать», следуя сложившемуся в обществе стерео-

типу: умный значит уважаемый, с репутацией. В другом примере скука также служит оценкой невысоких интеллектуальных способностей («нет оригинальности», «умудряется выражать»), а также манеры изложения мыслей и убеждений («все в одну ноту, не эффектно и вяло»): «Он либерал и считается в уезде красным, но и **это выходит у него скучно**. В его вольнодумстве нет оригинальности (заимствования, подражательность) и пафоса; возмущается, негодует и радуется он как-то все в одну ноту, не эффектно (без впечатления) и вяло (бесстрастно). Даже в минуты сильного воодушевления он не поднимает головы и остается сутулым. Но **скучнее всего, что даже свои хорошие, честные идеи он умудряется выразить так, что они кажутся у него банальными и отсталыми**» (Соседи); «Ведь вот, кажетя, и добр, и великодушен, и весельчак, а **скучен. Нестерпимо скучен**. Так же вот бывают люди, которые всегда говорят одни только умные и хорошие слова, но чувствуешь, что они **тупые люди**» (Палата № 6).

К серьезным социальным последствиям и разладу в межличностных отношениях могут привести оценочные суждения об умственной недостаточности человека: «Лантева не приглашали с собой, потому что обыкновенно он не ездил за город и потому что у него сидел теперь брат, но он понял это так, что его общество скучно для них, что он в этой веселой, молодой компании совсем лишний. И его досада, его горькое чувство были так сильны, что он едва не плакал; он даже был рад, что с ним поступают так нелюбезно, что им пренебрегают, что он **глупый, скучный муж**, золотой мешок, и ему казалось, что он был бы еще больше рад, если бы его жена изменила ему в эту ночь с лучшим другом и потом создалась бы в этом, глядя на него с ненавистью...» (Три года).

Настоящий художник слова в творческой профессии ценил ум и талант, которые не так часто совмещаются в одном человеке («Вы пишете все лучше и лучше, т. е. **талантливее и умнее**» (А.С. Лазареву (Грузинскому), 20 октября 1888 г., Москва), а скука с такими людьми — небольшая и временное явление: «Он **талантлив и умен**, хотя и **скучноват был в последнее время...**» (А.Н. Плещееву, 15 сентября 1888 г., Москва).

Там, где не хватает творчески одаренных людей, способных предлагать новые идеи, вносить креативность и оживление, все превращается в рутинность, и скука вступает в свои права: «Зима протекла не весело. Везде в Москве играли в карты, но если вместо этого придумывали какое-нибудь другое развлечение, например, пели, читали, рисовали, то выходило еще скучнее. И оттого, что в Москве было **мало талантливых людей** и на всех вечерах участвовали все́ одни и те же певцы и чтецы, само наслаждение искусством мало-помалу приелось и превратилось для многих в скучную, однообразную обязанность» (Три года); «Чтобы **читать** хорошо, то есть **нескучно и с пользой** (признак «полезность») для слушателей, нужно, кроме **таланта**, иметь еще **сноровку и опыт...**» (Скучная история).

Среди конституентов в оппозиции скуке «абсолютнейшая свобода» занимает более сильную позицию, чем ум и талант, которые все вместе включаются в более широкую противопоставленность — «скука — творчество»: «**Кроме ... таланта**, нужно еще кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, **необходимо чувство личной свободы...**» (А.С. Суворину, 7 января 1889 г., Москва); «Я не скажу, чтобы французские книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И они не удовлетворяют меня. Но они **не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества — чувство личной свободы, чего нет у русских авторов**» (Скучная история).

Подтверждается объединение взаимосвязанных семантических констант (ум + талант + свобода + творчество) переносным типом номинации: «Во всех наших толстых журналах **царит** кружковая, партийная **скука**. Душно! Не люблю я за это толстые журналы, и не соблазняет меня работа в них. Партийность, особенно если она **бездарна** (т. е. лишена одаренности, таланта; неумна) и суха, не любит **свободы** и широкого размаха» (А.Н. Плещееву, 23 января 1888 г., Москва).

О «любви — скуке» в сфере частной жизни идет речь, когда наступает ощущение эмоциональной и смысловой пустоты, исчезает взаимный интерес, растет разобщенность. Здесь также показательна реализация ключевой оппозиции «скука — интерес»:

«Моя вторая семья, то есть жена Наталья Гавриловна, жила в нижнем этаже, в котором занимала все комнаты. Обедала, спала и гостей своих принимала она у себя внизу, совсем не интересуясь тем, как обедаю, как сплю и кого принимаю я. Отношения наши были просты и не натянуты, но холодны, бессодержательны и скучны, как у людей, которые давно уже далеки друг другу, так что даже их жизнь в смежных этажах не походила на близость» (Жена).

Конкретное наполнение смысла «скучного», заключенного в оценочной характеристике отношений, уточняется как эксплицированной семей «интерес», так и семантики значений предшествующего ряда однородных прилагательных: *холодные* — не только «лишенные душевной теплоты», но и без проявления интереса, «равнодушные, безразличные» [14, с. 616]; *бессодержательные* — «бедные содержанием, неинтересные, пустые» [18, с. 79].

Что же касается признаков «интерес» и «веселье», то они в определении *скучного* человека получают своеобразное субъективное преломление: «Вот уж три недели, как я не написал ни одной строки, перезабыл все свои сюжеты и не думаю ни о чем таком, что было бы для Вас интересно. Скучен я до безобразия» (А.Н. Плещееву, 9 апреля 1889 г., Москва); *«Лучше быть пьяным и веселым, чем трезвым и скучным» (Ненужная победа); «Чтобы не показаться скучным, и я тоже пил красное вино» (Моя жизнь); «Человек я скучный, тяжелый, неостроумный. Какое со мной веселье? Вечно я со своими чертежами, фильтром да почвой. Ни поиграть, ни потанцевать, ни побалагурить... ни на что я не способен, а ведь Ниночка, согласитесь, молодая, светская...» (Ниночка).*

В общем, для каждого типа людей человек как «наводящий скуку» определяется по-разному. Совмещаясь с признаком «интерес», вариация когнитивного признака «человек» в приядерной зоне выглядит следующим образом: «Боюсь, как бы не пришли гости. Уж очень **скучный** здесь народ, не литературный; говорить с ними не о чем, а слушать их — в глазах становится тускло» (Письмо О.Л. Книппер, 3 марта 1904 г., Ялта); «На Волге всегда ветер, пахнет нефтью, пейзажи однообразны и **публика на пароходах скучная** — все картузы и дешевые цепочки на жилетах, не с кем поговорить и не бывает интересных встреч. На морских пароходах куда интереснее» (В.Ф. Коммисаржевской, 20 мая 1897 г., Мелихово); *«Мое счастье душило меня, и я не знал, куда мне уйти от него, и я надоел и отцу, и прислуге, рассказывая постоянно о том, как пылко я люблю. Счастливые люди — это самые надоедливые, самые скучные люди. Я надоедал страшно, даже теперь мне совестно...» (Сильные ощущения); «Я любил свой родной город. Он казался мне таким красивым и теплым! Я любил эту зелень, тихие солнечные утра, звон наших колоколов; но **люди**, с которыми я жил в этом городе, **были мне скучны**, чужды и порой даже гадки. Я не любил и не понимал их» (Моя жизнь).*

Понятийная зона характеристики человека включает гендерный аспект каузативного дескриптивно-оценочного признака *скучного*, наиболее яркое воплощение получившего в приложении к женской природе. В самом контексте поясним эксплицированный семный состав адъективной лексемы: *«Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна* (без выраженных особенностей), *холодна* (бесстрастна, равнодушна), *не умеет одеваться* (не выражена индивидуальность), *не поет, не смеется* (не жизнерадостна, не способна развеселить), *не миловидна* (не привлекательна) *и, как выразился один старожил в разговоре со мной: “жестка на ощупь”* (грубовата, сурова)» (Из Сибири).

Обозначенный ценностный критерий как «человеческое тело» в большей степени соотносится с женской красотой и представлен в системе «скука — красота» субстантивным дериватом: «Вчера впервые пошел в город, **скучища там страшная, на улицах одни только рожи, ни одной хорошенькой, ни одной интересно одетой**» (О.Л. Книппер, 14 декабря 1902 г., Ялта).

Жизнь как бытие человека и высшая, вечная ценность создается человеком, это мир, в котором он «живет, самоутверждается, действует, преодолевает трудности, постигает сущность явлений бытия, кует свое счастье, судьбу» [10, с. 136]. В связи с этим по отношению к жизни оппозиция «скука — талант» имеет важный ценност-

ный показатель: «...зачем же эта **ваша жизнь**, которую вы считаете обязательною и для нас, — зачем она **так скучна**, **так бездарна**, зачем ни в одном из этих домов, которые вы строите вот уже тридцать лет, **нет людей**, у которых я мог бы поучиться, как жить, чтобы не быть виноватым?» (*Моя жизнь*).

Следующий текстовый материал объективирует два образа повседневного существования, построенных на оппозиции «скучный — интересный». Компоненты смысловой структуры «скучный человек и его жизнь» базируются на семеме «неверие в себя», а уже отсюда проистекают последствия (семы), а именно: «не такой, как все», «зависть», «недовольство», «бедность», «однообразие», «ненасыщенность», жизнь воспринимается как «обременение», «выживание». Одно из представлений о жизни интересного человека складывается из: «соответствующий общепринятому», «здоровье», «достаток», «положение», «богатство событий», «получение удовольствий в полной мере». Ср.: «— Скажите, отчего вы **живете так скучно**, **так не колоритно**? — спросил я у Белокурова, идя с ним домой. — **Моя жизнь скучна**, **тяжела**, **однообразна**, потому что я художник, я **странный человек**, я издерган с юных дней **завистью**, **недовольством собой**, **неверием в свое дело**, я всегда **беден**, я **бродяга**, но вы-то, вы, **здоровый**, **нормальный человек**, **помещик**, **барин**, — отчего вы **живете так неинтересно**, **так мало берете от жизни**? Отчего, например, вы до сих пор не влюбились в Лиду или Женю?» (*Дом с мезонином*).

Таким образом, посредством лингво-когнитивного исследования производных репрезентантов концепта «Скука» стало возможным проникнуть в семантику концептуальной области *скучного* (человека, его существования) и зафиксировать субъективные ценностно-оценочные признаки ее содержания. Признаковый комплекс («ум», «талант», «любовь», «свобода», «творчество», «здоровье»), полученный через анализ семантической противопоставленности лексем, служит демонстрацией ментальных представлений носителя языка о человеке, позволяет уточнить систему ценностных приоритетов личности. В то же время выявленные признаки, вскрывающие аксиологическую сторону концепта, выступают в качестве причинных для *Скуки*.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. Категория оценки / Баженова Е.А., Сиполс О.В. [и др.] // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта, 2003. 696 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, язык, личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–71.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космос-Психо-Логос: монография. М.: Прогресс, Культура, 1995.
5. Голованова А.В. Ум как ценность в русской языковой картине мира // *Проблемы филологии*. Пермь: ПГУ, 2003. С. 38–39.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1209 с.
7. Зализняк А.А. Семантическая деривация синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*. 2001. № 2. С. 14–25.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: ВГУ, 2002. 476 с.
9. Красавский Н.А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц) // *Молодой ученый*. 2015. № 6.
10. Малинович М.В. Ценностные смыслы в семантическом пространстве причинности: Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
13. Семкин А.Д. Скучные истории о скучных людях? // *Журнальный зал: Нева. Премье времени*. 2012. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/8/s12.html>.

14. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988.
15. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2001. 990 с.
17. Сухих И.Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова // А.П.Чехов: pro et contra: Творчество А.П.Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 9–44.
18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.
19. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем [электронное издание]: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. URL.: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p.
20. Шестов Л. Творчество из ничего (А.П.Чехов) // А.П.Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 568–598.
21. Якимова Л.П. Мотивная динамика в произведениях А.П. Чехова 1890–1900 годов: от скуки к терпению // Критика и семиотика. 2010. № 14. С. 143–168.

References

1. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniiia emotsii v russkom iazyke: monogr. [Lexical means of designation of emotions in the Russian language: monograph]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989, 184 p. [in Russian].
2. Bazhenova E.A. Kategoriia otsenki [Category of estimation]. In: *Bazhenova E.A., Sipols O.V. et al. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. М.: Flinta, 2003, 696 p. [in Russian].
3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiia, iazyk, lichnost', kontsept: stanovlenie antropologicheskoi paradigmy v iazykoznanii [Cultural linguistics, language, identity, concept: formation of anthropology-cal paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 1, pp. 64–71 [in Russian].
4. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira: Kosmos-Psicho-Logos: monogr. [National images of the world: Space-Psycho-Logos: monograph]. М.: «Progress», «Kul'tura», 1995, 480 p. [in Russian].
5. Golovanov A.V. Um kak tsennost' v russkoi iazykovoii kartine mira [Mind as a value in Russian linguistic view of the world]. In: *Problemy filologii* [Problems of Philology]. Perm: PGU, 2003, pp. 38–39 [in Russian].
6. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: V 2 t. [New Dictionary of the Russian language. Explanatory word-formative: In 2 Vols.]. М.: Russkii iazyk, 2000, Vol. 1: A–O, 1209 p. [in Russian].
7. Zaliznyak A.A. Semanticheskaiia derivatsiia sinkhronii i diakhronii: proekt «kataloga semanticheskikh perekhodov» [Semantic derivation of synchrony and diachrony: “directory of semantic transitions” project]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 2001, no. 2, pp. 14–25 [in Russian].
8. Karasik V.I. Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monogr. [Linguistic circle: personality, concepts, discourse: monograph]. Volgograd: VGU, 2002, 476 p. [in Russian].
9. Krasavsky N.A. Obraznye i tsennostnye priznaki emotsional'nogo kontsepta «gnev» (na materiale nemetskikh i russkikh poslovits) [Figurative and value features of emotional concept of “anger” (based on German and Russian proverbs)]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2015, no. 6, p. 823 [in Russian].
10. Malinovich M.V. Tsennostnye smysly v semanticheskoi prostranstve prichinnosti: Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriia tsennostnykh smyslov: kolektivnaia monografiia [Valuable meanings in the semantic space of causality: Linguistics and axiology: etnosemiometriia of value meanings: multi-authored monograph]. М.: Tezaurus, 2011, 352 p. [in Russian].
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. М.: Azbukovnik, 1999, 944 p. [in Russian].
12. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika: monogr. [Cognitive Linguistics. Monograph]. М.: AST: Vostok-Zapad, 2007, 314 p. [in Russian].
13. Semkin A.D. Skuchnye istorii o skuchnykh liudiakh? [Boring stories about boring people?] [Electronic resource]. In: *Zhurnal'nyi zal: Neva. Primety vremeni* [Magazine room: Neva. Signs of the time], 2012, no. 8. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/8/s12.html> [in Russian].

14. Slovar' russkogo iazyka. Pod red. A.P. Evgen'evoi: V 4 t. 3-e izd. [Dictionary of the Russian language. A.P. Evgenyeva (Ed.): in 4 Vols. 3rd edition]. M.: Russkii iazyk, 1985–1988 [in Russian].
15. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monogr. [Lingvocultural concepts and metaconcepts: monograph]. Volgograd: Peremena, 2004, 477 p. [in Russian].
16. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: monogr. [Constants: Dictionary of Russian culture: monograph]. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Akademicheskii Prospekt, 2001, 990 p. [in Russian].
17. Sukhikh I.N. Skazavshie «E!». Sovremenniki chitaiut Chekhova [Those who said “E!”. Contemporaries read Chekhov]. In: *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX-nachala XX v. (1887-1914). Antologiya. Sost., predisl., obshchaia redaktsiia I.N. Sukhikh* [Chekhov: pro et contra: Anton Chekhov's creativity in Russian thought in the late XIX-early XX century. (1887–1914). Anthology. Compiler, preface, general edition by I.N. Sukhikh]. SPb.: RKhGI, 2002, pp. 9-44 [in Russian].
18. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: V 4 t. Pod red. D.N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian language: In 4 Vols. D.N. Ushakov (Ed.)]. M.: Veche, Mir knigi, 2001 [in Russian].
19. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [elektronnoe izdanie]: V 30 t. [Complete works and letters: In 30 Vols.] M.: Nauka, 1974-1983. Retrieved from: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p [in Russian].
20. Shestov L. Tvorchestvo iz nichego (A.P. Chekhov) [Creativity out of nothing (Anton Chekhov)]. In: *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887-1914). Antologiya. Sost., predisl., obshchaia redaktsiia I.N. Sukhikh* [Chekhov: pro et contra: Anton Chekhov's creativity in Russian thought in the late XIX-early XX century. (1887–1914). Anthology. Compiler, preface, general edition by I.N. Sukhikh]. SPb.: RKhGI, 2002, pp. 568-598 [in Russian].
21. Yakimova L.P. Motivnaia dinamika v proizvedeniiakh A.P. Chekhova 1890–1900 godov: ot skuki k terpeniiu [Motivic dynamics in the works of Anton Chekhov of 1890–1900: from boredom to patience]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2010, no. 14, pp. 143–168 [in Russian].

G.E. Makhanova*

«BORING PERSON» IN THE WORLDVIEW OF A.P. CHEKHOV (SEMANTIC AND COGNITIVE ASPECTS)

The focus of the article is a review of representation of the concept of «Boredom» derivatives, that occupy the area of co-nuclear parts in its structure. The semantics of the analyzed conceptual field associated with the concept of human and verbalized by mainly adjective lexemes capable at the same time to express and the emotional and estimated relation, and to identify value criteria in the approach to the characterization of the object. The results of the analysis allow to allocate in the maintenance of the concept the interconnected signs the «estimation» and «value», belonging to its axiological party. Through semantic opposition of representants the group of value-oriented features of the conceptual notion of «person boring» in the writer's system is revealed.

Key words: the concept of «Boredom», area co-nuclear parts, derivatives, cognitive features.

Статья поступила в редакцию 15/IV/2016.
The article received 15/IV/2016.

* *Makhanova Galina Evgenyevna* (magaev-mge@yandex.ru), Department of Russian Language, Bryansk State University named after Academician Ivan Georgiyevich Petrovsky, 14, Bezhitskaya street, Bryansk, 241036, Russian Federation.